

33. *Фёдоров В. М.* Биосфера, земледелие, человечество. М. : Агропромиздат, 1990. 237 с.
34. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1991. С. 221—238.
35. *Хайдеггер М.* К вопросу о назначении дела мышления / пер. А. Н. Портнова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1991. С. 225—235.
36. *Шелковников А. Ю.* Философия семиотики. М. : Изд-во Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2006. 169 с.
37. *Эко У.* Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 2004. 431 с.

ББК 87.3(2)6

Д. Г. Смирнов

**ЖИВАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ
(по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова)**

Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?
Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
Любовь и ненависть, сомненья и мечты
В безгрешно правильной машине мироздания
И в подавляющей огромности толпы?

Надсон

Одной из самых важных задач регионального интеллектуального сообщества была и остается задача осмысления своего наследия. Именно в регионах создается «живая философия», неразрывно связанная со спецификой временных и пространственных координат, определяющих материальные и духовные измерения самоорганизации общества. Обращение к истокам регионального философствования позволяет глубже понять гуманитарную миссию, которую берет на себя область (ее со-общество), и оценить ее интеллектуальный потенциал в контексте развития страны в целом.

Мы привыкли, что все советские философы — исторические материалисты в духе «Краткого курса ВКП (б)». Но это заблуждение. Оно возникает по причине того, что они не могли открыто говорить и писать то, что хотели, о чем в действительности думали. Это в полной мере относится и к Николаю Павловичу Антонову. То, что составляло настоящее содержание свободного философского сознания, в полной мере раскрывается лишь на страницах записей, которые не должны были попасть (и как показывает история — не попали) в руки компетентных органов.

В реконструкции исторического сознания советских философов могут оказать помощь герменевтико-археологические исследования. Эти «раскопки» дают возможность переосмыслить устоявшиеся штампы, касающиеся представителей советской философской мысли.

© Смирнов Д. Г., 2010

Имя Николая Павловича Антонова для ивановского научного и философского сообщества — имя знаковое, и в этом смысле — историческое. Занимаясь с начала своей научной карьеры вопросами происхождения и сущности сознания, в конце 1970-х годов он вышел на тему ноосферы, которую определял как «сферу разума и труда цивилизованного человечества».

«Вначале мне было интересно само сознание, его происхождение и сущность, — говорил своим ученикам Николай Павлович, — но когда я с этим разобрался, встал куда более сложный вопрос, — а что в будущем ожидает сознание? Пытаясь ответить на него, я все глубже уходил в проблемы биосферы и ноосферы» [5, с. 247].

Анализ творческого наследия Н. П. Антонова, того его пласта, который касается понимания взаимосвязи истории человечества и процесса становления ноосферы, позволяет выделить два этапа понимания философом «ноосферной истории».

Первый этап условно может быть обозначен как *эмпирически-поэтический* — этап доминирования художественно-поэтической формы освоения истории. Связан он, в первую очередь, с работой Н. П. Антонова над «Философскими фрагментами» (насчитывающими 9 «тетрадей»), которая велась во время Великой Отечественной войны (с июля 1942 г. по май 1945 г.) [3].

Второй этап соотносится с его научными трудами по философии ноосферы и условно может быть назван *теоретико-методологическим*. Программными работами этого периода творчества Н. П. Антонова считаются «Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли» [4], «Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы» [1] и «Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу» [2].

Настоящая статья посвящена анализу исторического сознания раннего Антонова, которое раскрывается на страницах «Философских фрагментов» через категории «живая жизнь», «закон живой жизни», «железная необходимость», «книга жизни» и др.

История как история

Мы еще до конца не понимаем «Философские фрагменты», их когнитивный потенциал. Они кажутся нам компилятивными сочинениями, что не совсем верно. «Философские фрагменты» — это выраженная потребность в осмыслении для самого себя одного из рубежных моментов «ноосферной истории» XX века. Именно война сделала Николая Павловича философом.

Более всего Н. П. Антонова интересовала проблема развития, которая в социокультурном плане предстает как проблема исторической обусловленности, а еще шире — как проблема истории и ее смысла. Философ размышляет над «разными» историями — историей отдельного человека (конкретной личности), историей войны, историей родины, историей мира, создавая гетерархическую систему «большой истории», где взаимодействуют история персональная, история региональная, история глобальная.

Н. П. Антонов ставил цель раскрыть «тайну истории», тайну той живой жизни, которую он наблюдал собственными глазами, которая его волновала, которую ему, порой, очень хотелось изменить. «И вот хочется найти эту скрытую движущую силу (пружину) бытия и закономерность его разви-

тия, — пишет он на страницах «Философских фрагментов», — и в этом кажущемся хаосе событий и столкновений, в личной и общественной жизни людей, и она есть эта закономерность, но трудно уловима и от воли людей независима...» [3, с. 20].

Решение проблемы рожденный войной философ ищет и находит в трудах К. Маркса и В. И. Ленина (через противопоставление позиции Ф. Ницше), понимая ее, однако, по его собственным словам, «сложней и шире», чем это представляют «наши пропагандисты».

История как «живая жизнь»

По первому образованию Николай Павлович был биологом. В 1936 году он окончил естественный факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Это не могло не отразиться на его подходе к осмыслению исторического среза бытия. В сознании биолога Антонова история предстает как процесс развертывания жизни от простейших форм к сложнейшим, высшим («от психики животных к мышлению и сознанию человека»); процесс вписывания (включения) человека и общества в биосферную историю как историю природы.

«Чем больше я думаю, — пишет Н. П. Антонов, — тем больше удивляюсь бесконечной сложности, многогранности форм проявления, красоте и величию живой жизни и мира» [3, с. 18]. Именно живая жизнь во всех ее проявлениях (положительных и отрицательных, если к жизни применимы подобные оценочные категории) есть суть разворачивания исторического процесса. Николай Павлович даже выводит аналогичную гегелевской формулу: «Все есть жизнь, жизнь есть все» [3, с. 35].

Этот красивый, но несколько абстрактный тезис вырастает из признания того факта, что «наивный реализм народных масс стоит ближе к объективной истине, чем философские размышления многих образованных людей» [3, с. 51]. Философия раннего Антонова была порождена как раз потоком живой жизни, в который он окунался каждый день, каждую минуту — жизни, полной любви и ненависти, героизма и трусости, верности и подлости; пошлого, грязного и нравственного, чистого.

«Я учусь читать книгу жизни...»

История для Н. П. Антонова значима, знакова, символична, семиотична. Она предстает в виде «книги жизни», и каждый человек представляет собой такую «неразрезанную и непрочитанную» книгу, требует прочтения. Соответственно жизнь человеческого общества — это, фигурально выражаясь, «книга книг жизни», которая никогда не сможет быть прочитана до конца, но которая, тем не менее, ждет своих читателей.

«Жизнь это есть интересная и увлекательная книга, надо только уметь ее читать, понимать прочитанное, наслаждаться прекрасным и ненавидеть пошрое и грязное, воспитывая в себе все лучшие человеческие качества и подавляя низкие и грязные, и учиться правильно, красиво, умно и полно жить, читая книгу живой жизни... Я учусь читать книгу жизни и начинаю любить читать ее больше настоящих — действительных книг» [3, с. 17].

В контексте исторического сознания Н. П. Антонова естественнонаучная методология (экологический подход) дополняется гуманитарной (герменевтический подход). Именно последний позволяет раскрыть экзистенциальную

сущность истории в единстве потребностей, интересов, мотивов, убеждений, принципов, идеалов личности. В рамках герменевтического подхода история как «книга жизни» раскрывается на уровне личностного измерения истории.

Экзистенциальная история как история нравственная

«Живая жизнь — это лабиринт, из которого нет выхода. В нем каждый может идти и плутать своим путем и путем других. Количество этих путей бесконечно, и они не остаются постоянными и неизменчивыми, а изменяются» [3, с. 20]. Такое понимание жизни неразрывно связано с нравственным компонентом личностной истории.

В этой экзистенциальной истории, по Н. П. Антонову, все должно подчиняться нравственному императиву, нравственности как высшему проявлению человеческого в человеке. Именно наличие или отсутствие у личности нравственного и интеллектуального экзистенциала, который раскрывается у Н. П. Антонова через категорию «цель», определяет реальность или абсурдность жизни. «Красота и смысл жизни — в силе стремления к цели. Жизнь без цели есть не жизнь, а животное существование». Цель же заключается «в высоких благородных стремлениях человеческой мыслящей чистой души к торжеству истины и добра, знания и разума, справедливости и равенства, стремлении сделать всех людей лучшими, благороднейшими представителями человеческого рода» [3, с. 37].

Николай Павлович ставит нравственность (нравственные качества личности) в жизни на первое место. Практически каждый отрывок «Философских фрагментов» так или иначе касается этого измерения «человеческого качества». Разумное, по Н. П. Антонову, не может быть безнравственным, а безнравственное — разумным. Нравственность постулируется как атрибутивное качество, свойство, отношение живой разумной истории.

Действительно, замечает Николай Павлович, «жизнь учит, что благоразумнее быть умным подлецом, чем честным дураком» [3, с. 29]. Но тут же оговаривается — «но эта точка зрения не может быть моей точкой зрения» [3, с. 30].

Н. П. Антонов, исходя из многообразия, присущего миру, обществу, отдельным людям, подчеркивает, что «все люди по одной истине, по одной морали (курсив мой. — Д. С.), закону и идее жить не могут» [3, с. 23]. Но этого и не нужно. Мораль, действительно, может быть разной у разных социальных групп, и в этом ограниченность используемой в данном случае категории. Мораль предстает у Н. П. Антонова как конъюнктурное преломление нравственности в конкретной исторической ситуации. Тем более, что само понятие «мораль» («мораль-в-себе») не несет выраженного оценочного компонента.

Историю, по Н. П. Антонову, «творят» нравственность и разумность, разумность и нравственность, разумная нравственность и нравственная разумность, актуализируясь и распаковываясь в историческом контексте практической деятельности и действительности человека и общества. В этом контексте история человечества может быть названа «ноосферной историей».

Живая ноосферная история

На страницах «Философских фрагментов» Николай Павлович предстает перед читателем прежде всего как человек, личность, и только потом как философ и ученый. Его осмысление и постижение ноосферной истории носит стихийный характер. Стихийным его можно назвать и потому, что он объе-

диняет природную и социальную стихии в рамках единой истории; и потому, что наиболее полно его понимание ноосферной истории находит выражение в форме стихов.

Стихийность ноосферной истории предполагает независимость хода истории от разума конкретного человека, но удивительную зависимость от разумности как атрибутивного качества истории в целом.

«Цветущий луг»

«Цветущий луг» — один из самых художественно-поэтических текстов «Философских фрагментов», которому, судя по всему, сам Николай Павлович придавал особое значение. Это «стихотворение в прозе» может рассматриваться как квинтэссенция философского (а точнее — ноосферного) мировоззрения мыслителя, в котором перед читателем раскрываются в качестве единого целого не только литературный дар писателя, но и биосферное миропонимание ученого.

«Солнце. Прекрасный июльский полдень. Тихий ласкающий ветерок колышет зеленый цветущий ковер луга» [3, с. 8]. Так начинается этот необычный для обычного ученого философский фрагмент.

Первое слово сразу же задает определенный смысл и отсылает читателя к традиции русского космизма. Солнце — вот фундаментальное основание живой жизни. От него разливается жизнь в природе: сначала в растительном мире, затем в животном царстве.

Этот «рай на земле» неожиданно взрывается мыслями о войне, творении человеческих рук, которое в одно мгновение может разрушить все живое, уничтожить живую жизнь. И вдруг — снова «Тихо».

У Николая Павловича луг (вообще это многообразное единое царство флоры и фауны) предстает как реальный аналог человеческого мира. История луга «повторяет» историю общества. «Борьба, уничтожение и смерть обеспечивают красоту и развитие жизни. Это звучит дико, парадоксально, но это так, это закон жизни» [3, с. 9].

Биосферное видение природного мира Н. П. Антоновым распространяется на общество, расширяясь, развертываясь, тем самым, в ноосферное видение единого мира.

«Я не поэт, а философ»

Николай Павлович на страницах «Философских фрагментов» предстает скорее не просто как ученый-философ, а как философ-поэт (философ с поэтическим мышлением). Наиболее полно ноосферный смысл истории раскрывается перед читателем как раз в подобранных им стихотворениях.

Среди научных и философских размышлений у него то и дело проскакивают стихи, выступая квинтэссенцией той или иной мысли, тезиса. Среди его любимых авторов Надсон, Плещеев, Полонский, Пушкин, Лермонтов, Жемчужников, Голенищев-Кутузов, Апухтин, Горький.

Н. П. Антонов считает, что именно поэты «в образной, художественной форме с большой силой изображения... как наиболее чувствительные и тонкие приборы, сумели подметить и отразить в своем поэтическом творчестве диалектический противоречивый характер жизни, ее относительность» [3, с. 37].

Практически все строки, которые он приводит на страницах «фрагментов», проникнуты «поэзией мировой скорби», поэзией бессилия человека перед реальностью и историей.

Лейтмотивом этой своеобразной поэтической философии Н. П. Антонова могут служить строки его любимого поэта Семена Яковлевича Надсона. По ним можно проследить борьбу различных картин мира в историческом сознании Николая Павловича.

Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?
Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
Любовь и ненависть, сомненья и мечты
В безгрешно правильной машине мироздания
И в подавляющей огромности толпы?

Бедна, как нищая, и как рабыня лжива,
В лохмотья яркие пестро наряжена —
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечет к себе она.
Но чуть взглядишься ты, чуть встанет пред тобою
Она лицом к лицу — и ты поймешь ее обман,
Ее величие под ветхой мишурою
И красоту ее — под маскою румян.

Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее мгновенье —
И нет среди людей такого мудреца,
Кто б мог сказать толпе — куда ее движенье,
Кто б уловил черты ее лица.

В этих трех отрывках перед нами раскрываются последовательно сменявшие друг друга в истории картины мира — классическая, неклассическая и постнеклассическая. В первой исторический процесс определяется жесткими однозначными причинно-следственными связями и история предстает как «безгрешно правильная машина мироздания». Во второй — в истории появляется момент случайности, двойственности. «Жизнь только издали нарядна и красива», понятна познающему субъекту, а при внимательном рассмотрении «обман истории» становится явным. В третьей — случайность правит бал, история непредсказуема, непредопределима, «И нет среди людей такого мудреца <...> Кто б уловил черты ее лица».

Познание человеком жизни, мира, истории смутно. Жизнь играет с человеком (и человеком), пряча истинные смыслы за яркими лохмотьями, под маскою румян. Человек обманывается жизнью. Она настолько «противоречива», непроста, что ему трудно отличить подлинное бытие от мнимого.

Поэзия, по Н. П. Антонову, хорошо описывает мир, но не объясняет его. Объяснение жизни и истории — это задача философии. «Я не поэт, а философ, и это обязывает меня быть объективным, не поддаваться чувству и воображению, не выдавать часть жизни за всю жизнь, а полнее, всестороннее, многограннее, объективнее охватить ее такой, как она есть во всех формах ее проявления, и часть истины не выдавать под влиянием вдохновения и впечатления за целую истину» [3, с. 36].

«Замечания о развитии действительности»

Н. П. Антонов, замечая о развитии действительности, выделяет 19 основных принципов развертывания исторического процесса и развития общества.

1. «Прямая дорога к истине делается ясной для ума лишь тогда, когда цель уже достигнута» (Сеченов).

2. Правильное решение практического развития складывается в процессе развития самой действительности, в процессе борьбы различных интересов и мнений людей.

3. Насколько правильно принято решение о субъективной деятельности и создании действительности, проверяется и осуществляется только на практике. В процессе практического действия намечается наиболее правильное решение и направление плана, раньше возникающего в сознании людей.

4. Развитие действительности непредопределено. Действительность в своем развитии всегда имеет не одну, а несколько возможностей. Какая из возможностей превратится в действительность — решается в процессе борьбы субъективной, практической деятельности людей.

5. Общее направление развития действительности predetermined всем предшествующим развитием — историей прошлого развития, а конкретные формы его зависят от настоящих причин их взаимодействия и борьбы.

6. Решающее значение в направлении общего развития имеют объективные факторы, а в конкретных формах его проявляются субъективные, случайные.

7. В конце концов, общий результат исторического развития будет один и тот же, какую бы конкретную форму и отклонение не приняла действительность в своем развитии. Рано или поздно, в той или иной форме эта объективная необходимость, осуществляющаяся через случайность, придет к своему результату.

8. Объективный ход событий осуществляется через субъективную деятельность людей, а субъективная деятельность людей создает объективный ход событий.

9. ... в результате <...> индивидуальной субъективной деятельности людей, направленной на удовлетворение личных потребностей, образуется объективный ход событий, имеющий свои внутренние закономерности и влияющий на поведение, поступки и действия людей, подчиняющий их себе.

10. Объективный ход событий в развитии общественной жизни людей <...> встает как слепая естественноисторическая железная необходимость над людьми, определяя, диктуя, подчиняя их поступки и действия. Люди вынуждены делать не то, что они желают (война), а то, что диктует им эта слепая необходимость.

11. Предвидение конкретных форм развития действительности в силу непредопределенности развития невозможно. Но общий результат, общее направление развития на основе знания закономерности общественного развития предвидеть можно и нужно.

12. Диалектический метод, являясь наиболее правильным методом познания действительности, все же не дает возможности абсолютного познания, предвидения и управления действительностью и избегания ошибок.

13. Ход общественного развития не может быть прямолинейным и гладким. Действительность развивается значительно медленнее, чем нам хочется, и не так, как нам хочется.

14. Сознание и субъективная деятельность влияют на объективный ход развития.

15. Развитие действительности имеет диалектический характер и осуществляется через борьбу и противоречия как внутренний источник развития и самодвижения действительности.

16. В полной мере, в чистом виде задуманный результат никогда не получается, и отклонение будет тем больше, чем больше массовый характер носит данное действие.

17. Чем шире движение и результатом большего участия индивидуальных субъективных волей и объективных факторов оно является, тем менее оно доступно влиянию индивидуальной деятельности людей, тем больше оно носит стихийный характер.

18. *Разум никогда не может создать столь совершенную организацию, устройство, подгонку и притирку, которые осуществляются только в процессе естественного развития через борьбу и противоречия, в процессе которых неприспособленное уничтожается; совершенствование осуществляется в процессе диалектического развития действительности* (курсив мой. — Д. С.).

19. Индивидуальное бытие определяет индивидуальное сознание, восприятие и понимание действительности. А общественное бытие определяет общественное сознание, политические и идеологические теории, а также индивидуальное сознание» [3, с. 45—47].

В своих «замечаниях» Николай Павлович предстает перед читателем не только как зрелый последователь теоретического марксизма, но и делает ставку на своеобразный «здоровый смысл» истории, не всегда совпадающий с голой теорией, работая в парадигме эмпирических исторических обобщений. Предлагаемые Николаем Павловичем замечания должны рассматриваться как пример личностного эмпирического обобщения («эмпирического замечания (подмечания)») фактов природной и социальной действительности.

На первый взгляд может показаться, что Н. П. Антонов выступает с позиций диалектического и исторического материализма, классической исторической картины мира, о чем говорят, в частности, пункты 5, 8, 9, 15, 19. Однако остальные положения могут быть интерпретированы в ином, неклассическом и даже постнеклассическом ключе. Пункты 4, 11, 13, 16, 17 в контексте современных синергетических представлений о действительности обретают новое звучание и задают новые смыслы истории. А утверждение, что «диалектический метод <...> все же не дает возможности абсолютного познания», косвенно указывает на то, что Н. П. Антонов стремился привлечь альтернативные концепции философии истории для объяснения течения исторического процесса.

Особо следует обратить внимание на 18 эмпирическое замечание. Здесь Н. П. Антонов впервые использует понятие «разум», которое выступает альтернативным по отношению к классическим терминам материализма (сознание, бытие, действительность и др.). Контекст употребления этого понятия предполагает принятие субстанциальной парадигмы (как и в случае с категорией «материя»). По сути, Николай Павлович в этом своем положении предупреждает идею ноосферы как сферы разума и ноосферной истории как истории борьбы разумного разумного и неразумного разумного, истории подчинения действительности Разуму. Заметим, что Н. П. Антонов не склонен преувеличивать роль разума в контексте истории. Действительно, «разум никогда не может создать столь совершенную организацию», но этот тезис не отрицает возможности создания более совершенной организации, устройства, чем то, которое существует в конкретный момент исторического времени.

Н. П. Антонов чаще всего обращается к философскому наследию Г. В. Ф. Гегеля. Именно этот представитель немецкой классической философии

фии, по мнению Николая Павловича, предложил верное понимание сути хода истории. «В плане исторической обусловленности *был прав Гегель* (курсив мой. — Д. С.), говоривший: “Все действительное разумно, все разумное действительно”» [3, с. 18].

«Нет — миром управляет не разум! А что же?»

На первый план у Николая Павловича выбивается мысль о исторической борьбе разумного и неразумного, точнее — *разумного разумного и неразумного разумного*, которая подкрепляется и иллюстрируется разнообразными историческими сюжетами. Он так формулирует свою основную идею этой диалектики: «...в жизни есть эти две противоположные возможности — слепого следования за своими страстями и желаниями и подчинение их воле, обуздание их» [3, с. 19], соответственно в жизни всегда будут люди, следующие и тем, и другим путем.

С точки зрения Н. П. Антонова, это положение вещей наиболее остро проявляет себя в критические моменты истории общества, например на фронте, так как война снимает все покровы с общественных отношений людей. «В армейской обстановке очень сильно сказывается положение: чем меньше ума, культуры и выдержки, тем больше апломба, хамства и злоупотребления властью над подчиненными и унижения человеческого достоинства...» [3, с. 28].

Именно против этого должен бороться человеческий разум. Действительно, «жизнь учит, что благоразумнее быть умным подлецом, чем честным дураком» [3, с. 29]. Но это мнимая, неразумная разумность, разумность низшего порядка, предопределяемая наличествующими условиями.

Эта разумность низшего порядка в конечном итоге подчиняется куда более мощной разумности исторического процесса в целом: «жизнь пойдет своим чередом — так как есть в природе» [3, с. 39]. Как бы много проявлений неразумного ни было, в истории срабатывает своеобразный защитный механизм, который независимо от воли и желания отдельных людей ставит их неразумные поступки «на службу» разумности.

«Кончил читать “Титана” (это еще до войны) Т. Драйзера, — пишет Н. П. Антонов. — Опять та же ясная мысль о какой-то всеобщей закономерности, о железной необходимости, не зависимой от взглядов и действий людей» [3, с. 30].

«Материалистическое» понимание истории

«Если же жизнь есть следствие объективного развития бытия материи...» [3, с. 16], — такое предположение Н. П. Антонов формулирует в июле 1942 года. Значительно позднее, в 1979 году, он выражает свою мысль более полно и определенно: «...в процессе эволюции форм отражения в неживой и живой природе, от психики животных к мышлению и сознанию человека, в росте могущества научных знаний, накапливаемых людьми, в успехах гения человеческой мысли в познании мира, в мыслящем мозгу человека, в общественном сознании людей, *материя в своем развитии доходит по познания самой себя* (курсив мой. — Д. С.)» [1, с. 6].

Здесь Н. П. Антонов использует в качестве методологической основы своеобразный «стихийный диалектизм», преодолевая, тем самым, в понимании истории не только исторический, но и диалектический материализм. Обратим

внимание, что главная категория здесь — «материя». Но материя — понимаемая и толкуемая в духе Б. Спинозы, в рамках субстанциональной парадигмы.

Именно развитие материи составляет сущность развертывания глобального исторического процесса. Ноосферная история, по Н. П. Антонову, есть *процесс разворачивания материи в формы жизни и разума*.

В процессе «эволюции материи» он четко фиксирует два этапа: первый — *стихийно-телеологичный* — процесс разворачивания материи в формы жизни, который можно обозначить как биосферный (биогенный); и второй — *сознательно-целесообразный* — процесс разворачивания материи в формы разума, который может быть назван ноосферным (ноогенным).

История человеческой мысли

Николая Павловича интересовал, прежде всего, второй — сознательно-целесообразный этап как более близкая ему и значимая для него история. Война и думы о ее исходе заставляют Н. П. Антонова задуматься о том, что является главным, ведущим в историческом процессе. Он приходит к убеждению, что суть исторического процесса составляет история человеческой мысли, выступающая для всего человечества своеобразным регулятором мировой истории.

«История развития человеческой мысли есть история познания — история науки, философии, техники и культуры, — в конечном счете, вся история общественной жизни людей, и наоборот, история познания — история науки и философии — *история общества — есть история развития человеческой мысли* (курсив мой. — Д. С.)» [3, с. 21].

Н. П. Антонов утверждает доминантой («концептом», в терминологии системного подхода) человеческой истории — историю мысли, разума — «интеллектуальную» историю человечества. Именно эта история человеческой мысли, понимаемая Н. П. Антоновым в максимально широком ключе, может (применительно к рассматриваемому этапу эволюции материи) рассматриваться в качестве прообраза ноогенного среза ноосферной истории.

Николай Павлович обращает свое внимание именно на это персоналистическое измерение исторического процесса, так как оно предстает в качестве «близкой истории» (микроистории), в отличие от «истории далекой» (макроистории и, тем более, мегаистории), которая лишена оттенка экзистенциальности.

«Закон развития»

«Действительность никогда не развивалась в точном соответствии с планом, намеченным людьми, разумом и тем меньше адекватно совпадала с ними, чем обширнее были эти планы и чем большую массу людей они охватывали, чем значительнее противостояние противоположных сил — это закон развития, выводимый из опыта всей предшествующей истории развития человеческого общества.

Развитие действительности <...> показывает, что *сознание, разум, сознательная активная деятельность людей, партий, классов намечает путь в борьбе различных возможностей развития действительности* (курсив мой. — Д. С.), а живая жизнь, практика вносит свои коррективы в то, что намечает разум, отбрасывая непригодное и закрепляя положительное, в практике, в жизни, в борьбе происходит подгонка, притирка частей развивающегося целого» [3, с. 52].

На наш взгляд, в этом пространном фрагменте Николай Павлович формулирует основополагающий (биосферно-синергетический) принцип развер-

тивания истории. Развитие идеи Н. П. Антонова о «законе развития» в контексте изучения ноосферной истории позволяет предложить следующую формулировку этого принципа: *живая жизнь отбирает из множества живых и разумных живых систем, естественного и искусственного происхождения, «отбрасывая непригодное и закрепляя положительное», только те системы, которые соответствуют императиву разумности.*

Николай Павлович не только теоретически формулирует принцип ноосферной истории как историческое эмпирическое обобщение, но и экстраполирует его на праксиологическое измерение истории, показывая, что разум не есть «демон Лапласа». И эта мысль актуальна именно сейчас, когда человечество оказалось заложником этого «безумного разума». «Разум, выросший из действительности и вставший над ней, думает командовать и управлять действительностью по своей воле. Разум думает, что все можно устроить при помощи разума так, как хочет и считает нужным и лучшим для себя человек, в соответствии со своими интересами и взглядами» [3, с. 54]. Но это не так. Разум в истории всегда ограничен, а в ноосферной истории он ограничен «в самом себе».

Здесь разум понимается одновременно и в субстанциональном смысле, и в смысле атрибутивном. Этот отрывок показывает, что в философии Н. П. Антонова до конца не преодолена пропасть между пониманием «разума как субстанции» и «разумом как свойством человека».

Перед нами не просто стандартное диалектико-материалистическое понимание истории, а значительно более широкий биосферно-материалистический взгляд на историю человеческой мысли как историю становления ноосферы. От этого субстанциально-материалистического пафоса один шаг до универсумно-семиотического понимания ноосферной истории.

Вместо заключения

Материал, представленный в настоящей статье, может быть условно обозначен как «источки и предпосылки ноосферной истории» и отнесен к периоду раннего Антонова. Значительно позднее, когда Николай Павлович накопил научный опыт, в том числе и на зарубежных стажировках, в конечном итоге у него сформировалось глобальное фундаментальное ноосферно-материалистическое историческое мышление и видение мира, характерное для позднего Антонова.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // *Сознание и диалектика процесса познания* : межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1979. С. 3—20.
2. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // *Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение* / Филос. о-во СССР. М. : Б. и., 1991. Т. 2. С. 125—138. (Впервые опубли.: *Человек. Эволюция. Космос*. София : Б. и., 1984. Кн. 4. Книжка I).
3. Антонов Н. П. Философские фрагменты // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 14—61.
4. Антонов Н. П., Халезова Т. Е. Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли // *Проблемы сознания в условиях развитого социализма* : межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1976. С. 12—30.
5. Смирнов Г. С. Восхождение к ноосфере : (к 80-летию доктора философии Н. П. Антонова) // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. С. 246—250.